

Romanov Serhiy. Dark Said of Collective Soul. The Art's Vision Natiogenesis in Civil Lyric of Lesya Ukrainka and Oleksandr Oles. In this article in comparative aspects civil lyric of Lesya Ukrainka and Oleksandr Oles as writers' reaction on status of Ukrainian nation is described. The first affair, that they tray to find (this affair may call the main matter of that time): who is their people for the state and status? The answer, that they found was usual, an usual meaning, was terrible – «slave». However, this concept wasn't of the constant usage term, how were in majority «professional patriots». For Lesya Ukrainka and Oleksandr Oles, on the contrary, this was «alive reality». That variety of reaction can explain perception their own destinies how destiny of theirs people. Can the children of parents-slavers was born free and (if this impossible?) can to conquer freedom and to live free? This questions were principal in life of the oppressed nation and the principal its were for young Ukrainian intellectuals of the modern epoch. Search of answers on these sad, cursed questions creative works two famous Ukrainian poets is devoted.

Key words: reality, being, destiny, sleep, death, eternity, freedom, slavery.

Стаття надійшла до редколегії
18. 03. 2016 р.

УДК 821.161.1

Анастасія Серова

**Славянский колорит лирики Ларисы Васильевой:
к вопросу о художественном мире поэта**

В статье исследуется лирика Ларисы Васильевой, вошедшей в русскую литературу вместе с поколением «шестидесятников». Отмечается, что мироощущение её лирической героини отличается мощное исконно славянское начало. Выразительно представлены русские обряды. Особое внимание уделяется хронотопу с его специфическим характером. Он складывается из «теней давних времён» и смысловой оппозиции двух пространств – открытого и закрытого. Закрытое, в котором лирическая героиня, тем не менее, чувствует себя свободной (терем, «белая светлица», горница, сторожка ворожеи), – это inferнальное, сказочное пространство, родом из Древней Руси. Внутреннее пространство (дома, горницы) наполнено значимыми исконно славянскими реалиями: «льняное полотно в ярко-красных петухах», «красный угол», русская печь и др. Открытое пространство имеет горизонтальную ориентацию и занято равнинной растительностью. Особое внимание обращено на славянскую колористику и флористику. Славянские образы символизируют историческую память народа, «память матери, леса, травы». В качестве перспективы обозначено изучение белорусско-украинского литературного контекста.

Ключевые слова: современная русская поэзия, лирика Ларисы Васильевой, хронотоп, славянские образы.

Постановка научной проблемы и её значение. Лирика Л. Васильевой наполнена славянскими реалиями, что в большой степени определяет её место в поэзии поколения «шестидесятников». Представляется целесообразным определить характер этих реалий: являются ли они декорацией её творческого поиска или же основой, на котором строится художественный мир поэта.

Анализ исследований по данной проблеме. В литературной критике самобытное поэтическое творчество Л. Васильевой представлено лишь вступительными статьями к сборникам, отдельными биографическими заметками, обзорными статьями С. Наровчатова и Г. Красникова.

Цель статьи – проанализировать проблематику и поэтику славянского контекста лирики Л. Васильевой как определяющего фактора творческой индивидуальности автора.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Многогранный художественный мир Л. Васильевой тонкой кистью вписан в общее полотно «тихой лирики» 1960-х годов, когда поэтесса начала свой творческий путь. Подъём гражданской ответственности, ощущение себя участниками великих событий, происходивших в стране и требовавших эстетического осмысления, общий дух того времени заставляли таких поэтов, как А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, превращать поэзию в рупор общественных идей. Эстрада, сцена становились единственной формой самовыражения. Но в этом громко- и многоголосье неотвратимо ощущалась потребность в «тишине». И первыми выразили это ощущение сами «шестидесятники»

(«Тишины хочу, тишины...» [3, с. 76 (А. Вознесенский)]). В литературу вошло «тихое» направление русской лирики. Но оно долгое время оставалось как будто незамеченным критиками. Л. В. Полякова в монографии «Поэзия и современность: “за” и “против”» (глава «Отстаёт ли современная поэзия?») обращает внимание на недостаточность осмысления в критике 1960–1980-х годов общего взгляда на поэтическое творчество: «Утверждение о наличии в поэзии 60-х годов течений, “школ” и об отставании поэзии 70-х, когда эти школы исчезли, встречаем мы, как правило, в критических работах, авторы которых придавали и придают «эстрадной» поэзии универсальный, распространяющийся на весь облик современной поэзии характер, считали и считают точкой отсчёта всех поэтических достижений наших дней не коренные завоевания советской литературы в целом, поэзии в том числе, а лишь достижения “эстрадной” поэзии. Читатель, таким образом, ориентируется критикой не на ведущие тенденции, а на текучку. Такое произвольное обращение с поэтическим процессом, на наш взгляд, не способствовало в 60-е годы и не способствует сейчас построению убедительной концепции нынешнего поэтического движения» [5, с. 274].

Н. Рубцов, А. Передреев, А. Прасолов, С. Куняев, В. Соколов, А. Жигулин, Н. Тряпкин, С. Дрофенко, О. Фокина и многие другие «тихие» голоса зазвучали на фоне пришедшей тишины. И голос Л. Васильевой стал тогда своеобразным камертоном этого поэтического направления. Новаторские, кричащие ритмы замедлялись, повышенная эстрадная яркость и эмоциональность сменились задумчивостью и возвращением к забытым истокам. Васильева своим стихотворным опытом пытается найти исконную связь с окружающим миром, выходит к историческим основам родины, семьи, природы. Феномен васильевской «тихой» лирики в том, что она не родилась в деревенской глубинке под пение соловья и цветение черёмухи, но, выросши в сутолоке больших городов (Харьков и Москва), вырывается к природному началу. Её строки выводили к «белой пряди слепящей воды» [1, с. 312], к цветущей посреди зимы яблоне, к молчанию церковей, к «густому молоку небес» [1, с. 311], к «памяти матери, леса, травы» [1, с. 245]. В поэзии Л. Васильевой «грохоты дня отзываются покоем» [1, с. 57].

Русь Л. Васильевой знакома каждому, и одновременно она будто рождена заново:

...и начинается сначала
моя разбуженная Русь –
(«Начало») [1, с. 333].

Страна, возрождённая для читателя, наполненная красками и голосами древних времён. Поэт словно разворачивает мост из веков минувших в век нынешний. Славянские образы Руси в васильевской лирике 1960–1980-х годов проходят перед читателем выстроенными теремами, пробуждая историческую память народа, «память матери, леса, травы» [1, с. 245]. Русская песня поднимается над суетой земного мира и с высоты поднебесья щедро проливается на леса и озёра, поля и горы, воскрешая забытые русские имена и образы:

Нет, не из шёлка
не из ситца,
а из сурового полотна,
что на хозяйстве пригодится
в России шиты имена.
(«Русские имена») [1, с. 22].

Елена, Дуня, Фёдор, Фёкла, Настя, Иван, Паша, Маша, Степан – имена, которые «сплетаются в венки», прорастают лугами и разливаются степью. В лирике Васильевой оживают древние образы, былинные, исторические и мифологические: княгиня Ольга, князь Игорь, Ярославна, Евпраксия, Добрыня, Один, Василько Теревольский, Дмитрий Донской, Перун.

Колоритно предстают перед читателем русские обряды: плетение венков, хороводы («Но весёлый хоровод хороводит, / и подходит, и со мной говорит» [1, с. 285]). Обилием народных хороводных игр отличались все славянские праздники, особенно весенние – «зеленые святки», для которых было характерно вождение «берёзки». И тогда даже с забвением культового назначения обряда, постепенно переходившего в народную забаву, подтекст первоначальной магической функции оставался. В лирике Васильевой хоровод из действия разрастается до метафоры жизни. Столь же многозначен образ венка. «Венок – обрядовый предмет, изготавливаемый из трав, цветов, вечно-зелёных растений, хвои, веток, соломы, бумаги» [6, с. 77]. Будучи элементом убранства участников обрядов, венок

служил чаще всего оберегом от нечистой силы, сглаза. Ритуальное использование его связано с осмыслением венка как круга. Устойчивым элементом купальских обрядов было гадание по венку в момент сплавления его по реке. В поэзии Л. Васильевой венок, плывущий по воде, – «как чуда высокий знак, / а чудо неуловимо» [1, с. 68] – связывает воедино прошлое и настоящее:

Венок по реке плывёт.
 Ну вот и доплыл до цели.
 Кто в руки его возьмёт –
 узнает, что птицы пели,
 шептала о чём трава,
 смеялась над кем осина,
 куда звала синева,
 кому не страшна трясина.
 («Венок») [1, с. 129].

Лирика Л. Васильевой «соткана из зелёных веток хмеля, / из упругих ниток льна / да из русских прядей Леля» [1, с. 37], написана исконно русскими красками: голубыми, зелёными, алыми, белыми, жёлтыми:

... Берёз белотелое племя
 неспешно куда-то идёт,
 над жёлтою кручей споткнётся
 под небом густой синевы,
 и в зеркало вод окунётся
 зелёная грива листвы.
 («Рассвета прозрачное время...») [1, с. 120].

Исследователя буквально интригует хронотоп поэзии Васильевой, имеющий широкий охват. Топос складывается из смысловой оппозиции двух пространств: открытого и закрытого. Закрытое пространство, в котором лирическая героиня тем не менее чувствует себя свободной, – терем, «белая светлица», горница, сторожка ворожеи. Инфернальное, сказочное пространство, родом из Древней Руси. Дом – особый вид пространства, вмещающий обряды и празднества, это начало и конец жизни. Замкнутое внешне, это пространство восприимчиво к внешнему миру: в тереме есть «два слепеньких оконца», в которых горят «два отраженья солнца», двери распахнуты: «Стучу – и открываются узорчатые двери» [1, с. 29]. Окно превращается в мифопоэтический «глаз» дома. С окнами крестьянского дома связано много народных поверий, обрядов, пословиц и поговорок. Окно связывало жилище с окружающей природой: через него человек наблюдает смену дня и ночи, времен года. И эта связь человека со светом естественна и вечна. Поэтому лирическая героиня стихотворения Васильевой так тщательно следит за чистотой окон терема:

И снова тру и чищу я
 два слепеньких оконца,
 чтоб загорелись чистые
 два отраженья солнца.
 («Терем») [1, с. 25].

Сторожка ворожеи является местом возможного перехода в другой, ирреальный мир («и отделялася от тела / замороженная душа» [1, с. 23]).

Пространство терема, светлицы, горницы легко переходит в ряд открытых топосов: лес, опушка, равнина. Причина плавности этого перехода заключается в ситуации органичного сосуществования двух пространств:

Наконец-то на опушку вышла
 ...
 Сзади терем. Белая светлица.
 Дикий лес у самого двора.
 («Наконец-то на опушку вышла...») [1, с. 31].

Порог дома, оконная рама – это граница соединения внутреннего и внешнего, где оппозиция замкнутого и открытого перестаёт существовать и два топоса сливаются в один, взаимопроникая друг в друга. Порог занимал особое место в доме, так как под ним в языческие времена хоронили после сожжения прах предков, и порог рассматривался как место обитания родовых духов.

Внутреннее пространство дома разделялось на две половины: духовную и материальную. Центром духовной части считался «красный угол» – здесь всегда горел огонь свечи или лампы. Внутреннее пространство горницы, терема в поэзии Л. Васильевой наполнено исконно русскими, значимыми вещами, например «льняное полотно / в ярко-красных петухах» [1, с. 35] – кусочек чистого космического пространства или полоса жизни человека. Нарядные льняные полотенца на протяжении многих веков были в славянорусской культуре оберегами. Они сопровождали человека в течение всей жизни – от рождения до кончины, в разных жизненных событиях, трудовых и праздничных. Рушниками и украшен «красный угол» в поэзии Васильевой – центр духовной половины дома.

Материальную половину украшает печь, и огонь в ней также не гаснет. В старину говорили: «Печь в доме – то же, что алтарь в церкви: в ней хлеб печется» [6]. К печи на Руси особое отношение. Это центр, возле которого всегда жизнь: печь согревает, кормит, лечит. Печь в лирике Васильевой олицетворена: «Печь стоит, разинув рот» [1, с. 73], – как и всё внутреннее наполнение замкнутого пространства, подчёркивая тем самым постоянство жизни.

Осмысление и творческое освоение Л. Васильевой открытого пространства связано главным образом со славянской мифологией. Русскому человеку свойствен «равнинный» тип мышления, а значит, горизонтальная ориентация пространства. Русская равнина сформировала чувство меры, покоя. Горизонтальное пространство поэзии Л. Васильевой наполнено исконно русской растительностью: яблоня, берёза, осина, сосна, тополь. Особенно часто на поэтических страницах появляется образ берёзы. Это дерево в народной культуре славян занимает особое место. В васильевской лирике становится возможным «переливание» эмоционального состояния человека в жилы дерева, берёзы, отождествление её с лирической героиней: «Шумит берёза, ставши мной // На несколько минут» [1, с. 54].

В наших лесах, пожалуй, нет дерева мощнее и красивее зеленого дуба. В русских народных сказках и былинах недаром поминался дуб-богатырь. Мудрым, священно чтящим свои истоки предстаёт дуб в лирике Л. Васильевой: «Знает дым, чем связан он с трубою, // Знает дуб, чем жёлуди сильны» [1, с. 298].

Покровительственно оберегает дуб влюблённых:

двое шли,
приближаясь друг к другу;
и на миг затаилась земля,
дуб приподнял повисшую руку,
наклонили листву тополя [1, с. 216].

Обряд прошения защиты у дуба отмечается в славянской энциклопедии: «Кое-где у старообрядцев-беспоповцев ещё в середине XIX века брачный союз заключался таким образом: парень, сговорясь с девицей, отправлялся с ней к заветному дубу и объезжал его три раза кругом. В Воронежской губернии пользовался уважением древний дуб; выйдя из церкви после венчания, молодые направлялись к нему и трижды объезжали вокруг» [6, с. 170]. Следует отметить, что в лирике Л. Васильевой задаётся и вертикальная ось пространства: земля – небо:

Почуяла земля бессмертный голос Неба,
летающий сквозь века единственный ответ
на все вопросы дня от Бога и до хлеба,
на всё, чему меж нас ответа нет.
(«Видение на холме») [1, с. 200].

Если поставить вопрос о типе хронотопа в поэзии Васильевой, то его достаточно выразительно охарактеризовал С. Наровчатов: «Лирика Ларисы Васильевой густо населена тенью давних времён. Историзм здесь настолько вещен, объёмен, красочен, что словно «тени» становятся лишь привычной метафорой. Обычная для поэтессы эмоциональная струя выводит её героев из давнего далёка в мир современных печалей и радостей» [1, с. 11]. В поэтической картине мира Васильевой связь прошлого

и настоящего нерасторжима. Крепка историческая память лирики поэта. Мироззрение лирической героини поэзии Васильевой – это мироззрение мифологическое – исконно славянское. Подобный способ мировосприятия присущ славянину изначально. Разрушение его приводит к разрыву тончайших связей между людьми и окружающим миром. Широко известны слова А. Ф. Лосева: «Миф есть символ» [4, с. 323]. Для носителя мифологического мышления – лирической героини Л. Васильевой – символом, то есть мифом, является весь мир, который видится ей сложным сочетанием современного, повседневного, обыденного и вечного, волшебного, иномирного.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Лирика Л. Н. Васильевой национально самобытна. Славянство выступает поэтическим остовом её творчества. Колоритно предстают перед читателем русские обряды: плетение венков, хороводы. Внутреннее пространство (горницы, терема) в поэзии Л. Васильевой наполнено исконно русскими, значимыми вещами: «льняное полотно в ярко-красных петухах», «красный угол», русская печь. Художественный мир поэта имеет мощное исконно славянское начало. Это вписывает его в национальный контекст русской литературы. Изучение этого контекста, а также контекста самобытной белорусской и украинской поэзии – перспектива исследования творческого вклада лирического поэта.

Источники и литература

1. Васильева Л. Н. Стихотворения / Л. Н. Васильева ; предисл. С. С. Наровчатова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
2. Васильченко Л. П. Природа славян / Л. П. Васильченко. – Томск : Томск. гос. ун-т, 2002. – 236 с.
3. Вознесенский А. А. Собрание сочинений : в 3 т. – Т. 2 / А. А. Вознесенский. – Л. : Худож. лит., 1983. – 421 с.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.
5. Полякова Л. В. Поэзия и современность: «за» и «против» / Л. В. Полякова. – М. : Современник, 1989. – 302 с.
6. Славянская мифология : энцикл. слов. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.

Серова Анастасія. Слов'янський колорит лірики Лариси Васильєвої: до питання про художній світ поета. Статтю присвячено ліриці Лариси Васильєвої, яка ввійшла в російську літературу разом з поколінням «шістдесятників». Відзначено, що світовідчуття її ліричної героїні визначає потужне питома слов'янське начало. Виразно представлені російські обряди. Особливу увагу приділено специфіці хронотопу. Він складається з «тіней давніх часів» і смислової опозиції двох просторів – відкритого та закритого. Закритий, у котрому лірична героїня почуватися, однак, вільною (терем, «біла світлиця», горниця, сторожка ворожки) – це інфернальний, казковий простір родом із Древньої Русі. Внутрішній простір (будинки, горниці) наповнений значимими питома слов'янськими реаліями: «ляне полотно в яскраво червоних півнях», «червоний куток», російська піч та ін. Відкритий простір має горизонтальну орієнтацію і зайнятий рівнинною рослинністю. Особливу увагу звернено на слов'янську колористику й флористику. Слов'янські образи символізують історичну пам'ять народу, «пам'ять матері, лісу, трави». Як перспективи окреслено вивчення білорусько-українського літературного контексту.

Ключові слова: сучасна російська поезія, лірика Лариси Васильєвої, хронотоп, слов'янські образи.

Serova Anastasiya. Slavic Flavor Lyrics Larisa Vasilyeva: the Question of the Artistic World of the Poet. The article is devoted lyrics Larisa Vasilyeva, went down in Russian literature together with the generation of «the Sixties». It is noted that the perception of the world of its lyrical features a powerful native Slavic beginning. Impressively presented Russian rites. Particular attention is paid Chronotope with its specific character. It is composed of «shadow old times» and the semantic opposition of two spaces: open and closed. Closed in which the lyrical heroine nevertheless feels free (tower, «white Svetlitsa» upper room, witch hut) – it is infernal, a fabulous space, a native of ancient Russia. The interior space (at home, the upper chamber) is filled with important native Slavic realities «linen in bright red rooster», «red corner», a Russian stove, and others. The open space has a horizontal orientation, and the flat occupied by vegetation. Particular attention is drawn to the Slavic coloristic and othe. Slavic images symbolize the historical memory of the people, «the memory of the mother of the forest, grass». As indicated by the study of the prospects of the Belarusian-Ukrainian literary context.

Key words: modern Russian poetry, lyrics Larisa Vasilyeva, chronotope, Slavic images.

Статья поступила в редколлегию
09. 02. 2016 г.